

ПОЗНАНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1848 ГОДА

У. Шустер

Из польских областей, находившихся под властью Пруссии, Познань (великое герцогство Познанское, как она стала официально называться с 1815 г.)¹ была самой значительной по численности польского населения² и более других сохраняла национальный польский характер. Политика прусского правительства в отношении Познани, начиная с 1815 г., руководствовалась, в сущности, одной задачей: превратить Познань в обычную прусскую провинцию, лишённую черт национально-политической самобытности. Эта руководящая идея прусской политики оставалась в общем неизменной, несмотря на известные колебания правительственного курса, обусловленные изменениями внутренней и внешней политической обстановки. До 1831 г. прусская монархия, вынужденная до известной степени считаться с настроениями познанских поляков и с фактом существования образованного Александром I конституционного королевства польского, избегала открытых форм подавления польской национальности. Встревоженное польским восстанием 1830—1831 гг. и оживлением национально-освободительных настроений в самой Познани, прусское правительство форсировало германизацию Познани и возвело в систему гонение на польскую национальность. Но с начала 40-х годов XIX столетия Берлин афиширует смягчение правительственной политики, чем возбуждает надежду у познанской шляхты на примирение со двором. Тем не менее сервиллизм, проявленный познанским сеймом (январь 1841 г.)³, не возымел никакого действия, и королевский рескрипт в июле 1841 г., предвосхищая возможные напоминания, заранее отклонял и осуждал всякую мысль о предоставлении герцогству Познанскому автономии⁴. Отныне познанская шляхта должна была считаться с тем, что основное её политическое требование раз и навсегда отвергнуто.

Но требование автономии было не единственным и не последним политическим требованием польских кругов герцогства Познанского. В кругах польской интеллигенции — шляхетской и буржуазной, — отстранявшейся немцами от участия в административной и общественной жизни, среди ремесленников и купцов, испытывавших экономическое давление со стороны немецкой буржуазии, в крестьянстве, политически бесправном и всё более остро чувствующем помещичий гнёт и плачевные

¹ Герцогство Познанское было образовано из частей западных воеводств (Познанского и Калишского) бывшего герцогства Варшавского, присоединённых к Пруссии решениями Венского конгресса в 1815 году. Согласно тем же решениям, герцогство Познанское (равно как и польские земли, отходившие к России и Австрии) должно было получить автономное устройство на конституционных началах. Однако это предложение Венского конгресса не было осуществлено прусским правительством.

² В 1848 г. население герцогства Познанского определялось примерно в 1300 тыс. жителей, из которых поляки составляли около 70%. См. Kieniewicz S. «Spoleczeństwo polskie w powstaniu poznańskim. 1848 roku», str. 31. Warszawa. 1935, «Opisziem zamieszkanym przez polaków». Т. I, str. 195. Warszawa. 1904.

³ Сейм отклонил три проекта адреса королю как «недостаточно умеренные», отказался от подачи петиций о смягчении цензуры, гласности сеймовых заседаний, отверг проект петиции о положении польского населения. См. Zychliński L. «Historja sejmów Wiel. Ks. Poznańskiego do r. 1847». Т. II, str. 58—59, 89, 92—93, 101, Poznań. 1867; Rakowski K. «Powstanie Poznańskie w 1848 r.», str. 34—35. Warszawa. 1914.

⁴ См. Rakowski K. Op. cit. str. 35; такого же характера королевское послание от 6 августа 1841 года. Zychliński L. Op. cit., str. 102—104.

последствия аграрной реформы 1823 г., находила благоприятную почву идея национального восстания и восстановления независимой Польши, пропагандировавшаяся польской демократической эмиграцией. ✓

Со времени подавления польского восстания 1830—1831 гг. в европейских странах, преимущественно во Франции, возникают политические центры польской эмиграции. Польская эмиграция не составила однородного политического целого. Как известно, в ней резко наметились два лагеря: консервативный, руководимый аристократической группой во главе с князем Адамом Чарторыйским, и демократический, представленный в 40-х годах «Демократическим обществом». Основным тезисом политической программы Общества были национальное восстание, коренные социальные реформы и образование демократической Польши⁵.

Руководящий орган «Демократического общества», так называемая «Централизация», направлял во все части бывшей Речи Посполитой своих эмиссаров, на которых возлагал создание на местах тайных революционных организаций и идеологическую подготовку будущего восстания, т. е. пропаганду основных положений программы «Демократического общества».

Таким путём в герцогстве Познанском в начале 40-х годов возник познанский комитет⁶. В комитете первого и последующих составов видную роль играли землевладелец Александр Гуттри, журналист Карл Либельт, историк Андрей Морачевский. Последние два представляли радикальное крыло, но рядом с ними в комитетах заседали и «умеренные», как, например, граф Северин Мельжинский, граф Бниинский и др.

Познанский комитет искал последователей прежде всего в шляхетских кругах, соответственным образом направляя свою организационную и пропагандистскую деятельность. Между тем землевладельческая шляхта в большинстве своём оставалась глуха к демократическим лозунгам «Централизации» (социальное равенство, наделение крестьян землёй) и в лучшем случае принимала лишь её военно-политическую доктрину. Суть последней состояла в том, что национальное общепольское восстание должно развернуться главным образом на территории русской Польши и на литовских, белорусских, украинских землях, принадлежавших некогда Речи Посполитой. В соответствии с этой военно-политической доктриной Познани (так же как и Галиции) отводилась вспомогательная роль — базы для формирования и переброски в центр восстания вооружённых отрядов, оружия, средств и своего рода тылового прикрытия с запада. С такой установкой познанская шляхта до поры до времени, пока дело ограничивалось разговорами и организацией тайных обществ, могла согласиться, поскольку центр восстания, а с ним вместе и возможность социальных столкновений переносились на восток.

Познанский комитет, ориентируясь, как и вся «Централизация», на шляхту, был весьма слабо связан с городской мелкой буржуазией и крестьянством, и то лишь через своих сторонников, принадлежавших к шляхетскому сословию. Комитет не придавал должного значения настроениям в самой Познани и, в частности, игнорировал безусловный факт подъёма национально-освободительного движения в Познани, направленного против прусского гнёта.

Рост этих настроений, искавших выхода не в отвлечённых и туманных планах эмиграции, а в непосредственной подготовке антипрусского восстания в самой Познани, обусловил возникновение в 1842 г. в городе

⁵ Gadon L. «Emigracja Polska». 3 t. 1901—1902; «Polska, jej dzieje i kultura» T. III, str. 193—234. Warszawa. 1931; «Towarzystwo Demokratyczne Polskie. Manifest». Paryż. 1836.

⁶ Gułtry A. «Pamiętniki», 2 tt. T. I, str. 10. Poznań 1891; Kieniewicz S. Op. cit., str. 40.

Познани новой организации, известной под названием «Кружок Стефанского»⁷.

Личность Стефанского не представляет большого значения. Стефанский — владелец типографии и книжного магазина — скорее случайно, из чувства оскорблённого самолюбия, вследствие невнимания к нему Познанского комитета, взял на себя инициативу создания новой организации, не зависимой от последнего.

Кружок Стефанского состоял из ремесленников, мастеров, мелких торговцев, поляков — унтер-офицеров познанского гарнизона; кружок установил связи с крестьянами из окрестных деревень. Во главе кружка стояли, кроме Стефанского, мельник Эссман и слесарь Липинский.

Программа новой организации отличалась большой неопределённостью. Участники кружка заявили себя сторонниками независимости Польши и политических и социальных преобразований, но имели весьма смутное представление о характере и способах их осуществления. Социально-политические воззрения членов кружка сложились под влиянием идей утопического и крестьянского социализма. Продуманного плана восстания у кружка не было. Стефанский носился с явно фантастическим проектом захвата Познанской крепости; последующий же ход действий предоставлялся на волю случайности. При всём том самый факт образования кружка имел принципиально важное значение как свидетельство революционизирования низов польского населения познанской провинции. Кружок ориентировался не на эмиграцию, а на внутренние польские силы Познани, и это составляло источник его жизнеспособности.

Познанский комитет, который первое время игнорировал кружок Стефанского, вскоре убедился, что не в состоянии парализовать влияние последнего среди городских низов. Поэтому Познанский комитет, опасаясь самостоятельных выступлений кружка, могущих сорвать планы «Централизации», предложил в 1845 г. слияние обеих организаций и включил в свой состав Стефанского и Эссмана. Практически это означало, что Познанский комитет и «Централизация» согласились с неотложностью национального общепольского восстания в ближайшее время, дабы предупредить локальное восстание в Познани.

В том же году в Познань прибыл из Франции в качестве представителя «Централизации» и организатора будущего восстания Людвиг Мерославский⁸. Сын польского офицера наполеоновской армии, Мерославский получил среднее военное образование в Царстве Польском, участвовал в чине поручика в восстании 1830—1831 гг. и затем эмигрировал во Францию. Здесь он значительно пополнил своё военное образование и приобрёл в демократических кругах эмиграции репутацию военного специалиста и талантливого публициста. Мерославский был известен как ортодоксальный последователь военно-политической доктрины «Демократического общества» и одновременно как самый решительный сторонник социальных реформ.

Восстание намечалось на 21 февраля 1846 г. одновременно в Познани, Кракове и Галиции, откуда основная масса повстанцев должна была двинуться в русскую Польшу. Но за несколько дней до этого срока прусские власти арестовали Мерославского, а вскоре раскрыли всю организацию. Последовали аресты нескольких сот лиц, причастных к движению. Срыв восстания и репрессивные меры прусских властей ещё более усилили антипруские настроения в массах польского населения, но в среде помещной шляхты были встречены с чувством облегчения; выступления против шляхты в Галиции (февраль 1846 г.) устрашающим образом

⁷ Guttry A. «Pamiętniki», str. 24—25, 32—37; Rakowski K. Op. cit., str. 48—49.

⁸ Gierszynski H. «Jeneral Ludwik Mieroslawski». Kraków. 1913. Limanowski B. «Szermierze wolności»: Przyborowski W. «Dwie dyktatury» (Biblioteka warszawska, II, 1914); Guttry A., Rakowski K., Kieniewicz S. Op. cit.

подействовали на познанскую шляхту. Познанский помещик граф Дзялынский в письме графу Владиславу Замойскому писал по поводу арестов в Познани: «Нужно ещё благодарить бога, что так кончилось»⁹.

Многomesячное предварительное заключение, а затем судебный процесс обнаружили политические расхождения между шляхетской и демократической группой заключённых. На следствии и во время суда первые заботились исключительно о своей личной участи. Выгораживая себя, они принижали политический характер заговора, а следовательно, и самую идею польского национального движения и вдобавок компрометировали своими откровенными показаниями других соучастников.

Такое поведение ставило в тяжёлое положение обвиняемых из числа крестьян и ремесленников. Арендаторы, фольварочные служащие, подмастерья и т. п., зачастую вовлечённые в конспиративные группы «паннами», оказывались в решительную минуту предоставленными самим себе. Мерославский намеревался держаться совершенно иначе: признать предъявленные ему обвинения, подчеркнуть политический характер движения, ставя своей целью в первую очередь воздействовать на польское общество, возбудить в нём чувство солидарности с лозунгами борьбы за независимость Польши.

На судебном процессе Мерославский выступал дважды (3 и 5 августа 1847 г.) с обширными речами, популяризовавшими демократическую программу национально-освободительной борьбы польского народа¹⁰. Позиция Мерославского не нашла поддержки среди шляхетской части его сопроцессников, за исключением четырёх человек.

Процесс закончился приговором 8 обвиняемых (в том числе Мерославского) к смертной казни, заменённой через несколько дней пожизненным заключением; 50 человек были приговорены к разным срокам тюремного заключения (в том числе Цибельт — к 30 годам); остальные 196 человек были освобождены ввиду зачёта им предварительного заключения.

Во второй половине 40-х годов XIX в. герцогство Познанское должно было оставаться областью по преимуществу аграрной и притом областью крупного землевладения. Аграрная реформа, проводившаяся с 1832 по 1847 г., несколько не поколебала помещичьего землевладения, напротив, самые условия реформы — уступка крестьянами части либо всей земли помещикам, получение помещиками значительных сумм (земельная компенсация и денежный выкуп за упразднение барщины и других повинностей), а также фактическое сохранение во многих случаях барщины — укрепили землевладельческую шляхту¹¹; 54% всей земли принадлежало крупным собственникам, в том числе 42% — польской шляхте¹².

Для крестьян аграрная реформа была связана в одних случаях с потерей земли, в других — с сокращением её площади. В результате аграрной реформы возросло, таким образом, число малоземельных и в особенности безземельных крестьян, вынужденных искать заработка в качестве

⁹ Kieniewicz S. Op. cit., str. 61.

¹⁰ Эти речи, равно как и личное мужество, проявленное на суде Мерославским — отказ от подачи апелляции после вынесения смертного приговора, — сделали его имя весьма популярным в низах польского населения Познани и в кругах европейской демократии.

¹¹ Marchlewski J. «Stosunki społeczno-ekonomiczne pod panowaniem pruskim», str. 88—103. Warszawa. 1903; K. D. «Kilka słów o położeniu włościan polskich». Lwów. 1893; Doliwa W. «Położenia włościan i własności ziemskiej w XIX w.». Zürich. 1890; Świętochowski A. «Historia chłopów polskich», str. 100—107. Poznań. 1928.

¹² Kieniewicz S. Op. cit., str. 31. Мархлевский даёт для 1858 г. ещё более высокую цифру крупной земельной собственности — 62,72%, включая в это число хозяйства от 150 га и выше. См. Marchlewski J. Op. cit., str. 117—118.

сельскохозяйственных рабочих или арендовать у помещиков клочки земли на условиях отработки. Эти категории крестьянства составляли подавляющее большинство сельского населения Познани.

Тяжёлые условия жизни, нищета, земельный голод, сочетаемые с полицейским режимом прусских властей, делали познанских крестьян восприимчивыми к революционной пропаганде. Польская шляхта, боясь крестьян и опасаясь со стороны прусских властей демагогической политики натравливания крестьян на шляхту, старалась держаться в рамках лояльности к Пруссии.

Социальный и национальный антагонизм усилился в результате неурожая 1846 г. и голодной зимы и весны 1847 года. Весной 1847 г. рабочие в городе Познани, крестьяне в селениях Витково, Тшемешно и в городе Гнезно начали громить пекарни и магазины и вступать в столкновения с полицией и войсками. Участились случаи нападения крестьян на помещичьи усадьбы. Агент парижского эмигрантского аристократического центра в Познани Больмин (Чаплицкий) писал в июне 1847 г.: «Крестьяне... жгут, где могут. И. Мицельский уверял меня, что в течение последних дней не проходит ночи, чтобы он не видел из своего дома двух — трёх пожаров. Он добавил, что среди крестьян силен дух версальщиков (резиденция «Демократического общества», — У. Ш.), о чём он имеет доказательства»¹³.

Осенью и зимой 1847 г. волнения несколько утихли, но это не внесло существенных изменений в сложившуюся напряжённую обстановку.

При таких условиях в первых числах марта 1848 г. в герцогстве Познанском распространилось известие о февральской революции во Франции. Оно вызвало большое возмущение среди польского населения провинции. Пошли слухи о возможности войны Пруссии против Франции или России, о вероятном приходе французов, о готовящемся восстании. Правительство объявило 3 марта частичную мобилизацию запасных. В городе Познани ожидали в этот день демонстраций. В деревнях расходились рукописные и печатные прокламации, призывавшие к восстанию. Одна из прокламаций (в стихотворной форме), ставшая весьма популярной, заканчивалась призывом: «Ура, на пруссака!» В городе Плешеве 16 марта был раскрыт план нападения на прусский гарнизон¹⁴.

Иначе реагировали на события местная шляхта и аристократия, ожидая, как и многие в тот момент, возникновения войны между Пруссией и её западными или восточными соседями. Познанская знать рассчитывала на уступчивость прусского двора, заинтересованного в этом случае в поддержке поляков. Она разделяла точку зрения консервативной польской эмиграции, видевшей в перспективе преобразование герцогства Познанского в автономное государство, связанное с Пруссией личной и таможенной унией. «Реорганизованная таким образом Познань была бы бешеным псом, которого можно спустить на Россию»¹⁵, — убеждал познанский агент чарторыйского лидера познанской верхушки Бродовского. В эти же дни родилась мысль о посылке Фридриху-Вильгельму IV петиции (адреса). Составители адреса в весьма неопределённых выражениях и униженным тоном заявляли о стремлении польского народа к «независимости», но нарочито неясная редакция адреса позволяла подвести под это понятие даже автономию, что тоже квалифицировалось как государственная самостоятельность. Инициатив-

¹³ Kieniewicz S. Op. cit., str. 66.

¹⁴ Тексты некоторых прокламаций помещены в приложениях к книге K. Rakowskiго. Op. cit. Приложения, стр. 7—9. Кпогг Е. «Die polnische Aufstände seit 1830 in ihrem Zusammenhange mit den intern. Umsturz Bestrebungen». Приложения стр. 287—291. Berlin 1880. См. также Kieniewicz S. Op. cit., str. 87—88.

¹⁵ Kieniewicz S. Op. cit., str. 83.

ная роль в «адресной кампании» принадлежала представителям немногочисленной в Познани либеральной буржуазии. Это были известный уже нам Стефанский, поэт Бервинский и адвокат Кротовский (из полонизированной немецкой семьи Краутгоферов). Их политическая позиция не отличалась определённой и устойчивостью, и в решительную минуту они склонились на сторону умеренной шляхты. После 15 марта проект адреса был разослан в поветы для сбора подписей, но в это время разразились революционные события в Берлине и Познани.

В понедельник, 20 марта, по городу Познани разнеслись известия о берлинской революции и королевском патенте от 18 марта. Патент содержал обещание конституции и вхождение Пруссии в состав Германии, причём включение в неё герцогства Познанского подразумевалось постольку, поскольку его «выборные представители будут разделять это желание»¹⁶. Под впечатлением этих известий толпы жителей загрохотали рыночную площадь¹⁷. Многие участники этой импровизированной демонстрации надели бело-красные кокарды (национальные цвета Польши). Власти заблаговременно приняли меры, привели в боевую готовность гарнизон и расставили на улицах отряды и кордоны. Возбуждение демонстрантов росло с каждой минутой. Солдаты начали срывать с демонстрантов кокарды и разгонять толпу. В эти критические минуты, когда кровавое столкновение между населением и войсками становилось неизбежным, влиятельные деятели консервативного направления поспешили стать во главе движения, чтобы предотвратить революцию в Познани. Бродовский и Матвей Мельжинский, крупнейшие землевладельцы в герцогстве Познанском, вместе со Стефанским и ещё несколькими лицами направились к президенту провинции Бойрману и убедили его разрешить выборы польской депутации к королю и приказать полиции соблюдать сдержанность. Прусские власти Познани первые дни были в состоянии замешательства. Ни Бойрман, ни командующий войсками, генерал Коломб, не получая никаких инструкций из Берлина, не знали, как им поступить. Напуганные размахом движения, они вынуждены были уступить.

Через несколько часов Стефанский, выступая в «Базаре» (торговые ряды) перед толпой собравшихся, предложил избрать Национальный комитет и тут же огласил список его членов. В комитет вошли представители городской буржуазии: Стефанский, Бервинский, Кротовский, — землевладельцы Матвей Мельжинский и Потворовский, историк Морачевский, ремесленник Андреевский, крестьянин Ян Паляч, три священника, директор земского кредитного общества Яроховский. На следующий день Познанский национальный комитет опубликовал воззвание, которое объясняло образование комитета желанием «предотвратить напрасное пролитие крови» и призывало население избегать всяких споров, могущих повлечь за собой кровопролитие¹⁸.

В тот день, когда в Познани происходили описываемые события, победоносная революция в Берлине освободила польских узников, содержавшихся в тюрьме Моабит¹⁹. Многодневная демонстрация сопровождала Мерославского и Либельта по улицам Берлина. Мерославский выступил перед толпой с речью, суть которой сводилась к следующим положениям: восстановление самостоятельности Польши; союз объединённой Германии со свободной Польшей против России. Вечером

¹⁶ Moraczewski J. «Wypadki poznańskie z roku 1848». str. 18—19. Poznań. 1850.

¹⁷ См. Rakowski K. Op. cit. str. 80—84; Moraczewski J. Op. cit., str. 19—21; «Pamiętniki ks. Z. Felńskiego». T. I, str. 359—360. Kraków. 1897. Kieniewicz S. Op. cit., str. 95—98, 100—101.

¹⁸ Текст воззвания см. в приложениях к книге K. Rakowskiego. Op. cit., str. 10—11.

¹⁹ Szuman H. «Wspomnienia Berlińskie i Poznańskie z roku 1848», str. 26—29. Warszawa. 1900.

20 марта Мерославский беседовал с прусским премьером, графом Арнимом, относительно вероятности войны с Россией и прусско-польского сотрудничества в этой войне. От свидания с Арнимом у Мерославского осталось впечатление, что рассчитывать на реальную помощь и сотрудничество Пруссии в разрешении польского вопроса надежды мало и что поляки должны готовиться к самостоятельному выступлению в соответствии с планом 1846 года. По инициативе Мерославского в Берлине был создан 21 марта Польский революционный комитет (Мерославский, Либельт и представители демократической части польской колонии в Берлине), который мыслился как организационный центр по подготовке польского восстания²⁰. Однако намерения Берлинского комитета были тотчас же опрокинуты соглашательской тактикой Познанского комитета.

Как мы видели, состав Познанского комитета был разношёрстным. В комитет вступили и сразу же заняли в нём руководящее положение консервативные элементы в лице Мельжинского и Потворовского. Познанские аристократы и крупные помещики всегда были противниками революционных методов борьбы и если соглашались прикнудить к движению, то на это были причины: страх перед народными массами и заманчивая мысль оказаться у власти в случае победы движения. Кроме того они хорошо сознавали силу революционного подъема народа и боялись остаться в стороне от него. «Революция непобедима, — писал граф Дзялынский, — мы все погибнем, если не пойдём с народом»²¹.

Познанский комитет поставил перед собой две задачи: заранее взять под своё руководство начинающееся движение в провинции и повести его в направлении, лояльном по отношению к Пруссии; убедить прусский двор согласиться на предоставление герцогству Познанскому автономии.

Познанский комитет направил во все концы герцогства уполномоченных, которым надлежало информировать население о создании комитета и организовать подобные комитеты в городах и селениях герцогства. Комитет тем более должен был торопиться с выполнением этой задачи, что вести о событиях в Берлине и городе Познани быстро распространились по всей провинции и население реагировало на них повсеместно выступлениями против прусских властей²². В городках Курник и Бнин вечером 20 марта народ начал сбрасывать и уничтожать прусские государственные гербы со всех учреждений. В Милославе толпа ворвалась в магистрат и уничтожила все документы; в присшедшей стычке с войсками было ранено двое жителей. Под Гостынем поляки разоружили отряд резервистов. Отряд крестьян, вооружённых косами и вилами, захватил 21 марта город Тшемешно и на следующий день вошёл в город Могильно. Повстанцы разоружили в Могильно жандармов и, отдав оружие гражданской гвардии, отправились дальше. Тогда в город прибыл драгунский эскадрон. Узнав об этом, крестьяне окрестных деревень окружили город и потребовали ухода войск, что было немедленно исполнено.

Восставшие польские крестьяне и ремесленники перехватывали почту, конфисковывали денежные суммы административных учреждений и что наиболее важно, формировали отряды для похода на город Познань и для борьбы с прусскими войсками. Познанский комитет через своих уполномоченных и умеренные элементы из числа жителей делали всё

²⁰ Mieroslawski L. «Powstanie Poznańskie w roku 1848», str. 8—11, ed. I. Paryż. 1852; «Zbiór najważniejszych dokumentów, dotyczących się Wielkiego Księstwa Poznańskiego», przez Nowackiego J., Wolstyn. 1849. Меморнал Мерославского генералу Пфулю, стр. 125.

²¹ Kieniewicz S. Op. cit., str. 130.

²² Rakowski K. Op. cit., str. 88—92; Kieniewicz S. Op. cit., str. 117—118.

от них зависящее, чтобы не дать разгореться восстанию. В Курнике, Вжесне, Рогозне уполномоченные комитета задерживали крестьянские отряды, намеревавшиеся идти на город Познань, предупреждали столкновения на местах, уговаривали восставших вернуть конфискованные деньги. В поветовых городах и крупных селениях, по инструкции Познанского комитета, создавались местные национальные комитеты, во главе которых Познанский комитет постарался поставить умеренные элементы. Таких комитетов было около 70. Ими руководил Познанский комитет, получивший наименование Центрального. Комитеты на местах формировали вооружённую гражданскую гвардию. В некоторых пунктах ландраты и другие должностные лица прусской администрации изгонялись, и власть в этих случаях фактически переходила к польским комитетам; в других ландраты оставались при исполнении своих обязанностей и имели возможность исподволь подготовиться к борьбе с польским национально-освободительным движением.

Усилиями Познанского комитета и землевладельческой шляхты восстание, которое по всем признакам могло стать широким выступлением польского народа против прусского владычества, было задержано в самом начале своего развития и введено в русло легализма. Шляхтой руководило при этом не только чувство страха перед крестьянским движением, но и желание избежать трудностей при переговорах с прусским правительством, от которого она надеялась получить удовлетворение своих политических требований.

22 марта в Берлин из Познани прибыла польская депутация для представления королю польских требований²³. Депутация состояла из нескольких человек, в том числе Матвея Мельжинского, Бродовского, графа Рачинского, Кротовского и Матвея Паляча, символизировавшего представительство крестьянства. Главой делегации был архиепископ Пшилусский. В Берлине депутация встретила с польским революционным комитетом. Депутация, претендовавшая на роль представителя познанских поляков, настаивала на самороспуске комитета. Берлинский комитет, оторванный от Познани, плохо осведомлённый о происходивших там событиях и к тому же верный традициям, присущим даже радикальным шляхетским кругам, а именно традициям «национального единства», уступил. Таким образом, Познанский комитет в лице депутации остался единственным политическим центром польского движения.

Теперь у депутации были развязаны руки. Пшилусский, Мельжинский, Бродовский отказались от первоначального адреса, где, хотя и в весьма неопределённом смысле, говорилось о независимости Польши, и подали королю петицию, содержащую просьбу о «национальной организации великого герцогства Познанского». Практически дело свелось к двум требованиям: организации польского корпуса в Познани и назначения поляков на административные и другие должности в герцогстве. В процессе переговоров правительство приняло пожелания депутации: в кабинетном указе 24 марта и в письме министра внутренних дел Ауэрсвальда было обещано создать реорганизационную комиссию для проведения в Познани соответствующих преобразований²⁴.

Уступчивая позиция депутации вызвала всеобщее недовольство в Познани и даже внутри Познанского комитета встретила оппозицию, впрочем быстро преодоленную.

Познанский комитет одобрил образ действий депутации. Минимальные уступки прусского правительства интерпретировались им как первые шаги на пути восстановления польской государственности. Официальная мотивировка этого взгляда представляла собой, в сущности, политиче-

²³ Moraczewski J. Op. cit., str. 24—28; Mieroslawski L. Op. cit., str. 12—15.

²⁴ Текст кабинетного указа см в сборнике документов J. Nowackiego, str. 26; Sztuman H. Op. cit., str. 36—37.

скую платформу Познанского комитета. Комитет исходил из всеобщего убеждения в неизбежности войны между Пруссией и Россией. По этой причине, доказывал комитет, полякам не следует обострять отношений с прусским правительством, так как Пруссия, заинтересованная в участии поляков в войне против России, несомненно, согласится после поражения последней на восстановление польской независимости. Познанский комитет всячески старался поддерживать иллюзию реальности подобной перспективы. В его воззваниях постоянно говорилось о «независимой Польше», «освобождённой отчизне» и т. п., а самый комитет выступал в этих документах как своего рода временное правительство будущей Польши.

В первые дни восстания Познанский комитет, пожелай он этого, без труда мог взять власть в свои руки и стать хозяином положения в герцогстве. Ежедневно 20—30 тыс. крестьян и ремесленников, вооружённых косами, топорами, стекались в город, ожидая сигнала от Познанского комитета. Демократические элементы убеждали комитет захватить познанскую крепость, гарнизон которой был малочислен, а солдаты-поляки обещали поддержку внутри крепости. Но комитет стмалчивался или отвергал все представления, клонившиеся к развёртыванию восстания. Просьбы вооружить народ комитет отводил ссылкой на недостаток оружия; имеющееся оружие предназначалось, по его словам, для будущей польской армии. Захват крепости якобы был несвоевременен, так как мог скомпрометировать депутацию и её миссию.

Получив от депутации уведомление о принципиальном согласии прусского правительства на организацию польского корпуса, Познанский комитет тотчас же приступил к реализации этого пункта. При комитете был создан так называемый «Военный отдел». Местным комитетам было отдано распоряжение объявить набор охотников в польский корпус, что было встречено шляхтой благожелательно. Практически это решение означало передачу в руки шляхты командной роли в формировании отрядов, в их обучении, в раскладке, сборе и распоряжении денежными средствами на содержание отрядов. Иными словами, шляхта получала возможность держать в воинском подчинении 25—30 тыс. человек — крестьян и ремесленников, — которые при других обстоятельствах могли бы причинить ей немало беспокойства. В перспективе создание национального корпуса, открывая дворянской молодёжи доступ к офицерским должностям, обещало ей моральное и материальное удовлетворение.

Для того чтобы побудить крестьян ко вступлению в польские части, чтобы преодолеть недоверие крестьян к шляхте, комитет должен был выступить с какой-то программой по крестьянскому вопросу. Этого ждало от него крестьянство. 25 марта 1848 г. Познанский комитет опубликовал воззвание, которое излагало основные принципы разрешения крестьянского вопроса, но... применительно к будущей Польше: первое — крестьяне-собственники освобождаются от всех повинностей; второе — крестьяне Царства Польского будут освобождены от барщины и получают землю в собственности; третье — правительство окажет содействие безземельным крестьянам в приобретении ими земли; четвёртое — вступающие в ряды польского войска освобождаются в течение всего времени службы от денежных податей²⁵.

Широковещательность этих постановлений, очевидно, смутила Познанский комитет. Через несколько дней, 1 апреля 1848 г., появилось второе воззвание, конкретизировавшее и одновременно ограничивавшее смысл первого. В документе, датированном 1 апреля, устанавливалось, что крестьяне-собственники, вступившие в ряды войска,

²⁵ Текст воззвания см. Rakowski K. Op. cit., str. 24.

освобождаются от денежного чинша (в первом варианте — от всех повинностей); семьи батраков, коморников и других категорий безземельных крестьян, служащих в помещицкой усадьбе, получают в случае ухода главы семьи в войско продовольствие в натуре и треть денежного вознаграждения; наиболее важный пункт: «После окончания войны (за освобождение Польши.— У. Ш.) семьи погибших, равно как и оставшиеся в живых, получат вознаграждение от народа путём раздачи крестьянам земельных владений из государственных имуществ»²⁶.

Оба документа, особенно второй, подтверждают отрицательное отношение Познанского комитета к лозунгам «Демократического общества» — отмены всех повинностей и наделения крестьян землёй одновременно с началом восстания.

Крестьянство, преимущественно безземельное и малоземельное, по численности стояло на первом месте в формируемых поветах, крупных селениях и городках польских отрядов. Крестьяне вступали в отряды отнюдь не потому, что их удовлетворяла программа Познанского комитета, а потому, что были уверены в неизбежности вооружённой борьбы с прусским правительством и рассчитывали с оружием в руках добиться осуществления своих требований.

Активную роль в первые дни восстания и в формировании польских отрядов играли также и городские низы, преимущественно ремесленники, мелкие лавочники. Во многих местах (Курник, Милослав, Гродзиск) они вместе с крестьянами первые начали восстание 20 и 21 марта, ещё до того, как Познанский комитет и местная шляхта официально возглавили движение. Уполномоченный Познанского комитета В. Косинский писал из Вжесни: «И здесь, как обычно, мещане отличаются глобчайшим патриотизмом»²⁷.

Землевладельческая шляхта, как было сказано выше, заняла руководящие позиции в движении. Из 52 поветовых комиссаров и военных организаторов только несколько человек оказались не землевладельцами. В обстановке всеобщего подъёма и возбуждения помещики не могли уклониться от оказания материальной поддержки возглавляемым ими отрядам, этим формированиям национальной армии. Однако комиссар Плешевского повята, например, жаловался Познанскому комитету, что «есть чересчур много таких (землевладельцев.— У. Ш.), которые до сих пор не могут понять истинного положения и святых обязанностей»²⁸. Познанский комитет обратился по этому поводу со специальным посланием к плешевской шляхте.

Текст послания не оставляет сомнений в том, что оно предназначалось не только для Плешевского повята, но и имело в виду привлечь внимание всей познанской шляхты к происходившим событиям. В послании указывалось на опасность для польского дела, которая заключается «в равнодушии, холодности, а быть может, недоброжелательности тех именно граждан (помещиков.— У. Ш.), которые... должны бы руководить остальной частью народа... Ибо для кого же родина была более заботливой и щедрой матерью и радетельницей, если не для вас, граждане (obywatele) помещики, для кого же открывается широкое, светлое будущее, если не для вас, граждане помещики? А вот смотрите! Наш бедный люд, почти всегда угнетённый и униженный, на первый же призыв массами вступает в войско... Ради любви к отчизне... ради ваших собственных интересов... взываем к вам — становитесь во главе этого люда, чтобы обманутый пыл (народа) не обратился в меч возмездия и не обрушился на ваши головы»²⁹. Среди поветовых комиссаров и военных организаторов находились и такие, которые непрочь были сдер-

²⁶ Текст воззвания см. Rakowski K. Op. cit., str. 24—25.

²⁷ Kieniewicz S. Op. cit., str. 133.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Ibidem, str. 134.

жать приток крестьян в воинские лагеря. Так поступили они, например, с поляками-ландверистами. Мобилизация ландвера, объявленная генералом Колумбом, дала лишь частичные результаты; значительное число ландверистов-поляков отказалось выполнить приказ о мобилизации, и многие из них готовы были вступить в польские отряды. Однако многие начальники и организаторы уклонялись от приёма ландверистов под тем предлогом, что «мобилизация массы людей без необходимости, в период важнейших хозяйственных работ только деморализует крестьян»³⁰.

28 марта в герцогство из Берлина прибыл Людвиг Мерославский, с энтузиазмом встреченный городским населением Познани. Мерославский был включён в состав военного отдела при Познанском комитете и сразу же взялся за организацию военного обучения, установление дислокации, вооружение собранных отрядов и т. п.

С приездом Мерославского политическая обстановка в Познани усложнилась. Разногласия между Познанским комитетом и Мерославским рано или поздно должны были привести в открытому конфликту двух точек зрения, двух лагерей в польском движении.

В марте 1848 г., как и раньше, в 1846 г., шляхта отнеслась к Мерославскому с неприязнью и недоверием. Вместе с тем в Познань снова возвращался дух «Демократического общества» с его программой социальных преобразований, столь ненавистной познанским помещикам. Поведение Мерославского в берлинском суде 1847 г., уязвившее самолюбие многих участников процесса, а через них и шляхетское общество в Познани, создало ему многочисленных личных врагов. И если Мерославский по приезде занял видное положение в военном отделе Познанского комитета, то это объясняется отнюдь не личной симпатией к нему познанской верхушки, а вынужденной уступкой мнению масс, у которых Мерославский снискал широкую популярность своей репутацией горячего демократа и военного вождя.

Мерославский платил землевладельческой шляхте той же монетой. Ещё в 1846 г., по его словам, он убедился в пассивности и равнодушии познанской шляхты к настоящему делу. Одобрив на словах идею национального восстания и восстановления польской независимости, шляхта останавливалась перед практическим разрешением этих вопросов. Мерославский критически оценивал возможность реального участия познанской шляхты в восстании. Но наряду с трезвым критицизмом относительно шляхты Мерославский вынес из уроков 1846 г. вредное сомнение в национально-патриотических убеждениях «люда», т. е. крестьянства. Он полагал, что крестьяне, поглощённые исключительно мыслью о земле, борьбой с помещиками, не выросли ещё до «национальной революции». Необоснованный скептицизм Мерославского относительно крестьянства проистекал из той установки шляхетской демократии, что основной движущей силой национальной революции является шляхта, а если шляхта инертна, то «народ сам никогда не поднимется». Оставалась ещё, если можно так выразиться, «третья сила» — демократическая эмиграция. На ней-то Мерославский и основывал все свои надежды и планы; она могла и должна была, по его мнению, возглавить движение и повести за собой народ.

Концепция Мерославского была явно догматичной и ошибочной. В познанские условия он перенёс постулаты демократической эмиграции и полагался только на очень небольшую группу преданных ему эмигрантов. Этим Мерославский оттолкнул от себя большинство шляхты и в то же время был далёк от верившего в него народа. Отсюда воз-

³⁰ Kieniewicz S. Op. cit., str. 137. Из донесения В. Косинского.

никавшие перед ним трудности, его упорство в своей догматической позиции, ненужные проволочки и колебания в моменты решительного изменения обстановки.

Мерославский приехал в Познань с готовым планом действий, воспроизводившим в основных чертах военно-политическую доктрину демократической эмиграции. Ситуация, сложившаяся в Пруссии и в Познани после мартовской революции, побудила его внести в этот план изменения. Первоочередной задачей Мерославский считал формирование и обучение польской армии, предназначенной не только для вступления в Царство Польское, но и на случай борьбы против Пруссии. У Мерославского, как известно, не было уверенности в действительном намерении прусской монархии объявить войну России. Поскольку, однако, прусское правительство не отвергало приписываемых ему намерений и не в силах было прекратить формирование польских отрядов в Познани, Мерославский решил действовать под этим флагом настолько возможно дольше, чтобы выиграть время для создания регулярной армии³¹.

В противоположность Мерославскому Познанский комитет не видел необходимости в образовании крупной польской армии, воодушевленной к тому же демократическими и патриотическими лозунгами. Наличие такой армии приблизило бы момент нового подъема восстания и неизбежность столкновения с Пруссией, что вовсе не входило в планы комитета. Познанская шляхта трактовала польские отряды как силу внешнеполитического назначения — для войны с Россией — либо как средство давления на прусское правительство в целях сохранения прусских обещаний «национальной реорганизации Познани», — но отнюдь не как внутреннюю силу национальной революции. Познанский комитет нетерпеливо ожидал войны между Пруссией и Россией, чтобы направить революционное возбуждение польских масс против России. Это намерение казалось тем легче осуществимым, что оно на первый взгляд соответствовало традиционным планам эмиграции.

Чтобы ускорить прусско-русскую войну, военный отдел Познанского комитета ещё 25 марта отдал приказ начальникам двух отрядов — И. Гарчинскому и Ф. Бялоскурскому — подготовиться к переходу границы и вторжению в Царство Польское (т. е. в Россию)³². Задача отрядов состояла не столько в том, чтобы поднять восстание в Царстве Польском, сколько в том, чтобы войти в соприкосновение с русскими войсками и, отступив в Познань, завлечь их через прусскую границу. Тогда, рассчитывал комитет, конфликт между Пруссией и Россией обязательно разразится.

Какой бы заманчивой ни представлялась Мерославскому мысль о войне с Россией, по приезде в Познань он тотчас же решительно настоял на отклонении этого абсурдного плана. В познанских отрядах насчитывалось в те дни едва 6—7 тыс. необученных и плохо вооружённых людей; в герцогстве дислоцировался прусский корпус генерала Коломба, и прусское правительство наверняка не преминуло бы воспользоваться авантюрой польских отрядов, чтобы начисто смести всё, достигнутое за эти дни поляками. Таковы были аргументы Мерославского, с которыми Познанский комитет не мог не согласиться.

До поры, до времени взаимоотношения Познанского комитета с Мерославским с внешней стороны представлялись нормальными, но их объединяли не общие интересы, а обоюдная игра друг против друга.

³¹ Mierosławski L. Op. cit, str. 9.

³² «Pamiętnik J. Garczyńskiego в сборнике «Szkice historyczne» Schnür-Replowski S., str. 249—252. Lwów. 1900; Moraczewski J. Op. cit., str. 49. Характерно, что эту мысль энергично поддерживал Северин Мольжинский, обещавший дать оружие и людей для экспедиции; вместе со своим братом Матвеем, членами комитета Бродовским и Потворовским он был упорным противником восстания в Познани.

Познанский комитет формировал польский корпус великого герцогства Познанского; Мерославский — польскую повстанческую армию. Каждый из них делал вид, что организуемые польские отряды есть именно то, что хочет другой; Познанский комитет основывался на официальных действиях прусского правительства, Мерославский — на бездействии прусских властей в Познани. Короче говоря, комитет хотел закончить, а Мерославский — начать разрешение польского вопроса. Именно здесь, в главном пункте расхождений между Познанским комитетом и Мерославским, последний дал себя обойти комитету. Пока Мерославский, с головой ушедший в военные дела, составлял инструкции по обучению добровольцев, занимался вооружением отрядов, увлекался проектами новых военных изобретений и т. д., рассчитывая на двухмесячный срок для завершения всей подготовительной работы; пока Мерославский, занятый этими приготовлениями, оставил в пренебрежении основную задачу — политическую мобилизацию народа против Пруссии — и убеждал своих сторонников не обострять отношений с прусскими властями, чтобы преждевременно не сорвать установившейся передышки, — в это время Познанский комитет готовился к заключительному акту разыгрываемого им фарса — к соглашению с прусским правительством на базе королевского патента 18 марта и условий, достигнутых депутацией в Берлине.

Прусское правительство, со своей стороны, воспользовалось предоставленной ему передышкой лучше, нежели Мерославский и Познанский комитет. Оправившись от первого искуса и убедившись в том, что Познанский комитет и Мерославский, погружённые в обдумывание дипломатических ходов друг против друга, не помышляют, каждый по своим мотивам, о непосредственном возобновлении борьбы с Пруссией, прусское правительство взяло инициативу в свои руки, чтобы в удобный для себя момент с помощью Познанского комитета уничтожить труды Мерославского, а потом развязаться со своими обещаниями Познанскому комитету и с самим комитетом.

Ещё 3 апреля правительство объявило герцогство на осадном положении. В последующие дни в провинцию были направлены дополнительные войска. Генерал Коломб получил в своё распоряжение армию в 30 тыс. чел., из которых 10 тыс. были оставлены в городе Познани, а остальные, разделённые на несколько крупных отрядов, были дислоцированы по всей территории герцогства. Становилось всё более очевидным, что теперь уже прусские войска ищут столкновения с поляками и готовятся их разгромить.

Эта политическая обстановка длилась три недели, в течение которых Мерославский и Познанский комитеты действовали каждый в своём направлении.

Мерославский прежде всего озаботился сосредоточить рассеянные в провинции мелкие отряды в четырёх лагерях: в Вжесне, Ксёнже, Плешеве и Месцисках, расположенных в восточной части герцогства. Это было проделано 3—9 апреля³³. Вжесненский лагерь под командованием Гарчинского насчитывал более 2500 чел.; Ксёнжским лагерем командовал полковник Будзишевский, в его распоряжении состояло около тысячи человек. Столько же людей насчитывали третий, Плешевский, лагерь во главе с Бялоскурским, и четвёртый лагерь, в Месцисках, под начальством эмигранта Флориана Домбровского. В разрез с приказаниями Мерославского, при скрытом попустительстве со стороны Познанского комитета, полковник Бжежаньский образовал пятый лагерь, в Сьроде, самый многочисленный — до 4 тыс. человек.

³³ Приказ от 3 апреля 1848 г. всем поветовым организаторам. См. Mięrosławski I. Op. cit., str. 25—26. «План концентрации польских отрядов в лагерях в приказе военного отдела комитета». См. Rakowski K. Op. cit., str. 30—32. Приложения.

Следует заметить, что некоторое количество местных отрядов всё же осталось за пределами лагерей, так что общая численность польских отрядов превышала 10 тыс. человек³⁴.

Офицерский состав новообразованных соединений рекрутировался преимущественно из рядов местной землевладельческой шляхты. Правда, Мерославский старался влить в ряды офицерства эмигрантов, на которых он мог полагаться с большей уверенностью, и в первых числах апреля в Познани насчитывалось уже несколько десятков эмигрантов, прибывших из Франции и других мест. Но все высшие и большинство среднеофицерских должностей были заняты сторонниками Познанского комитета. Из пяти комендантов лагерей Гарчинский и Бжежаньский были враждебно настроены к Мерославскому, Бялоскурский держался неопределённо, Будзишевский не имел веса как начальник, и только Флориан Домбровский безусловно поддерживал Мерославского. Равным образом и офицерство в большинстве своём относилось неблагоприятно к Мерославскому и, что ещё хуже, саботировало его распоряжения.

Зато моральный дух рядового состава лагерей — крестьян и ремесленников — был превосходен. Они восприняли сосредоточение в лагерях как признак скорой встречи с прусскими войсками на поле битвы. При каждой тревоге люди бросались вперёд, готовые «идти на немца».

В то время когда прусские власти самым недвусмысленным образом готовились разгромить польское движение, Познанский комитет ожидал приезда королевского комиссара для завершения переговоров о «национальной реорганизации Познани». Ещё 28 марта комитет назначил «Реорганизационную комиссию» в составе восьми поляков и двух немцев. От поляков в комиссию вошли К. Либельт, Матвей Мельжинский, Бродовский, Потворовский, судья Грегор, депутат прусского ландтага от Познани А. Крашевский и др. Состав комиссии не оставлял сомнений в преобладании в ней консервативной части. Комиссия отправила в Берлин через Бойрмана проект реорганизации Познани. Он содержал те же пункты, которые фигурировали во время переговоров депутации: формирование польского корпуса, выбор новых ландтратов и окружных комиссаров, а также назначение поляка гражданским комиссаром в герцогстве и признание польского языка официальным в герцогстве Познанском.

Не получив ответа на свой проект, Познанский комитет направил 2 апреля в Берлин депутацию. В Берлине депутация застала князя Адама Чарторыйского, прибывшего в прусскую столицу с целью выяснить позицию прусского правительства по вопросу о войне с Россией. Встречи Чарторыйского с депутацией обнаружили полное совпадение их взглядов относительно познанского восстания. Лидер аристократического крыла эмиграции считал, что познанское движение имеет смысл только в союзе с Пруссией (иными словами, прусско-польский союз против России). В противном случае оно выродится в социальные волнения. Курьёзно, что в самом существенном пункте Чарторыйский шёл дальше, чем Познанский комитет. Чарторыйский представил барону Арниму проект предоставления Познани автономии по типу Царства Польского, тогда как комитет довольствовался требованием самоуправления³⁵.

Депутации, собственно говоря, нечего было делать в Берлине, поскольку был назначен королевский комиссар — генерал Виллизен, —

³⁴ Численность отрядов невозможно установить точно; на этот счёт существуют противоречивые данные. Так, S. Kieniewicz (Op. cit., str. 149) даёт для лагеря в Сыроде цифру 4—5 тыс. человек, а K. Rakowski (Op. cit., str. 137) — только 1700 человек. Но в общем численный состав всех лагерей определяется примерно в 9—9,5 тыс. человек.

³⁵ Kieniewicz S. Op. cit., str. 159.

которому надлежало на месте, в Познани, договориться о реорганизации герцогства. Виллизен считался благожелателем поляков, сторонником войны с Россией, и его назначение нашло сочувственный отклик среди познанских поляков. 5 апреля, в самый разгар военных приготовлений генерала Коломба против поляков, Виллизен прибыл в Познань. С формальной стороны Виллизен располагал широкими полномочиями в осуществлении своей миссии, но военные власти не были ему подчинены и действовали независимо от него, по инструкциям из Берлина.

Немедленно по приезде Виллизен обратился к польскому населению с воззванием. Виллизен подтвердил в нём обещания правительства ввести в Познани польскую администрацию и польский суд, объявил о намерении правительства поставить во главе гражданской администрации герцогства поляка, провести выборы ландратов местным населением и одновременно потребовал роспуска местных польских комитетов и польских «нерегулярных» отрядов. В этом случае он гарантировал повстанцам амнистию. Заключительные слова воззвания возбудили всеобщее недовольство поляков. Шляхта была оскорблена и встревожена тем, что брался под сомнение её, так сказать, «легализм», народные массы, в частности рядовые повстанцы, были до крайних пределов возмущены требованием разоружения отрядов. Познанский комитет, застигнутый врасплох воззванием, компрометировавшим его широковещательные планы первых дней, проявил вдруг усиленное внимание к польским вооружённым отрядам. Полагая, что факт существования польской вооружённой силы поднимет его вес в предстоявших переговорах с Виллизеном, комитет спешно разослал в провинциальные комитеты и военным организаторам в поветах распоряжения собрать в лагерях возможно большее число людей. В течение двух — трёх дней численность повстанцев в лагерях возросла с 9—9,5 тыс. до 15—20 тысяч.

Для ведения переговоров комитет выделил комиссию из пяти человек: Потворовского, Мельжинского, Либельта, Стефанского и каноника Бжезинского. Совещания с Виллизеном начались 6 апреля. Виллизен настаивал на роспуске польских отрядов как предварительном условии обсуждения по существу вопросов реорганизации Познани. На этих условиях Виллизен обещал добиться у правительства скорейшего осуществления реорганизации.

Задачу Виллизена косвенным образом облегчил Коломб. Коломб уже готовился отдать приказ подвижным колоннам произвести нападение на польские лагеря, но, по просьбе Виллизена, отложил выступление войск на три дня, чтобы дать последнему время достигнуть соглашения с Познанским комитетом. Комитет, подстёгиваемый обещанием Виллизена и вдобавок устрашённый перспективой неминуемой борьбы поляков с прусскими войсками, готов был уступить. Со всех сторон он получал донесения, что прусские войска занимают города и селения, разгоняют местные польские комитеты и окружают лагеря. Никто не сомневался в том, что пришло время решить: воевать или капитулировать.

В Познанском комитете единодушия по этому вопросу не было. Потворовский, Мельжинский и др., располагая, как всегда, большинством, склонялись к принятию условий Виллизена. Мерославский и отчасти колебавшийся Либельт были за сопротивление. Мерославский требовал вручения ему командования над всеми лагерями; Мельжинский с издевательством посоветовал Мерославскому обратиться к косиньерам (крестьяне) за «булавой» (намёк на гетманскую булаву)³⁶. 8 апреля Мерославский покинул город Познань и отправился в лагери. Своей резиденцией он сделал лагерь в Милославе.

³⁶ Mierostawski. L. Op. cit., str. 33.

В следующие 48 часов произошли три события, положившие конец колебаниям комитета. Первое — ответ прусского правительства 9 апреля на представления Виллизена. Правительство решительно требовало разоружения отрядов польских повстанцев. Виллизен поставил комитет в известность об ответе правительства и опубликовал воззвание, в котором говорилось, что в первую очередь должны покинуть лагеря лица, негодные к военной службе, и ландверисты; остальные получают право вступить в будущую польскую познанскую дивизию. Такая постановка вопроса подсказала комитету благовидный повод для принятия виллизеновского требования.

Второе—10 апреля Мерославский явился в Вжесненский лагерь и потребовал от Гарчинского признать его главнокомандующим всеми польскими отрядами³⁷. Пока Гарчинский затягивал ответ, рядовой состав лагеря единодушно провозгласил Мерославского вождём восстания. Было очевидно, что массы голосуют за возобновление борьбы и за Мерославского. Если комитет хотел избежать первого и избавиться от второго, то разоружение отрядов было единственным выходом из создавшегося положения.

Третье—10 апреля произошло нападение прусских войск на город Тшемешно, где стоял польский отряд под начальством майора Слубицкого. Это была первая крупная стычка прусских войск с польскими повстанцами. Она знаменовала формальное открытие военных действий со стороны прусских властей. Если комитет хотел предупредить дальнейшее развитие событий в этом плане, ему следовало поторопиться.

При таких обстоятельствах Познанский комитет выразил своё формальное согласие на условия Виллизена и поручил К. Либельту, Стефанскому и Радонскому (поветовому комиссару в Сьроде) заключить с Виллизеном соответствующее соглашение. Оно было составлено и подписано в Ярославце 11 апреля 1848 г. и известно под названием Ярославцевой конвенции³⁸. При обсуждении конвенции присутствовали, помимо указанных трёх делегатов, Мерославский и два—три представителя от лагерей.

Согласно конвенции, все польские отряды должны были быть разоружены и распущены. Сохранились лишь 4 лагеря: во Вжесне, Ксёнже, Плешеве и Милославе. Лагерь в Тшемешно упразднился. За некоторое время до заключения конвенции лагерь в Месцисках был упразднён. В каждом лагере разрешалось оставить не более 600—700 человек. Таким образом, численность польских отрядов сокращалась до 2500—2800 человек. Эти люди считались как бы ядром будущей польской дивизии.

Рядовые повстанцы приняли известие о Ярославцевой конвенции с огромным возмущением. Они называли конвенцию предательством и капитуляцией.

В Сьродском лагере возмущённые косиньеры едва не убили Либельта, выступавшего с объяснениями по поводу конвенции³⁹. В Вжесненском лагере Гарчинского воцарился полный разлад. Большой отряд повстанцев отказал Гарчинскому в повиновении и намеревался двинуться в Милослав — к Мерославскому. На увещания Гарчинского повстанцы в один голос отвечали: «С самого начала, как только наши предводители стали вести переговоры с пруссаками, мы были убеждены, что готовится измена, и теперь мы видим её последствия»⁴⁰. Хаос в

³⁷ «Pamiętniki J. Garczyńskiego». В сборнике S. Schnür-Peplowskiго. Op. cit., str. 261, 263—264.

³⁸ Moraczewski J. Op. cit., str. 63—64; Rakowski K. Op. cit., str. 150—153; Szuman H. Op. cit., str. 62—66. Текст конвенции K. Rakowski. Приложения, стр. 33—35; Mieroslawski L. Op. cit., str. 37—46.

³⁹ Mieroslawski L. Op. cit., str. 48; Rakowski K. Op. cit., str. 156—157.

⁴⁰ (Pamiętnik Garczyńskiego). Schnür-Peplowski S., str. 265—266.

лагере всё более усиливался, по мере того как туда прибывали из окрестностей новые отряды повстанцев, ничего не слышавших о конвенции.

В Плешевском лагере опасались прямого выступления рядовых повстанцев против офицеров; дошло до того, что в лагере было введено патрулирование для наблюдения за косиньерами⁴¹.

При роспуске повстанцев руководители лагерей встретились с новыми трудностями: многие повстанцы не хотели покидать лагеря. Хотя «демобилизованным» выплачивалась некоторая денежная сумма, число желающих не увеличивалось. Нередко уходившие из лагеря группы крестьян подвергались в дороге нападению прусских войск, и часть их вновь возвращалась в лагери. Упорное желание сражаться с пруссаками побуждало многих «демобилизованных» вступать в другие лагеря или образовывать самостоятельные отряды. Для борьбы с такими «рецидивистами» прусские власти прибегли к варварской мере: клеймению пойманных ими повстанцев.

Познанский комитет делал всё от него зависящее, чтобы ускорить роспуск лагерей. 16 апреля комитет опубликовал воззвание⁴², в котором всем, добровольно покидающим лагери, обещал бесплатное наделение землёй в размере трёх моргов (1,5 га).

Совершенно иную, чем крестьяне, позицию занял офицерский состав лагерей. Офицеры — преимущественно местные помещики и их сыновья, — как правило, высказывались в пользу конвенции. Некоторые из них поторопились покинуть лагери и отправиться по домам. Ими руководили и страх перед крестьянами и нежелание воевать с пруссаками. Впрочем, и оставшиеся на своих местах офицеры были весьма ненадёжны. Впоследствии они доставили много трудностей Мерославскому.

В эти ответственные дни, когда решалась судьба польского восстания, Мерославский допустил две ошибки, органически связанные одна с другой и обе проистекавшие из той своеобразной роли, которую он играл в политической расстановке сил в Познани, и из неустойчивости его политического мировоззрения.

Первая состоит в том, что Мерославский согласился с Ярославцевой конвенцией. Правда, он сделал из неё свои выводы. 11 апреля уполномоченные Познанского комитета, подписавшие Ярославцевую конвенцию, назначили Мерославского начальником главного штаба польских отрядов, т. е. фактически командующим. В тот же день Мерославский направил начальникам лагерей секретное предписание нелегально организовать в окрестностях лагерей из «демобилизованных» резервные отряды той же численности, что и в лагерях, и поочерёдно сменять ими первоначальный лагерный контингент. Таким способом он предполагал удвоить или даже утроить численность обученных отрядов⁴³.

⁴¹ Rakowski K. Op. cit., str. 163.

⁴² Текст воззвания у К. Раковского. Приложения, стр. 38—39. Из текста следует, что землю могут получать лишь те, кто пройдёт службу в будущей «познанской дивизии». Но в действительности имелось в виду облегчить и ускорить разоружение лагерей согласно условиям Ярославцевой конвенции. Когда после ликвидации восстания, 23 мая, генерал Пфуль, королевский комиссар в Познани, опубликовал воззвание, в котором обвинял шляхту, духовенство, политических эмигрантов в «подстрекательстве» крестьянства, польские депутаты прусского парламента были возмущены таким «подозрением». В их ответном письме говорилось: «Вы, ваше превосходительство, утверждаете, что всем, кто взялся за оружие, обещано было три морга земли. Это неверно, так как бесплатные участки были обещаны тем, которые возвратились бы по домам после конвенции и проведения реорганизации. Это было, следовательно, в полном смысле слова, средством успокоения» (Suman H. Wspomnienia, str. 99).

⁴³ Mieroslawski I. Op. cit., str. 49—52.

Но, как ни бесспорен факт, что Мерославский предвидел и готовился к борьбе с прусскими войсками, предложенный им способ был не более, как паллиатив. Мерославский не решился провозгласить открытую борьбу с Пруссией, хотя он располагал 20-тысячным отрядом повстанцев и, безусловно, мог рассчитывать на всеобщее восстание. В эти дни кипела вся провинция. Во многих деревнях население поголовно вооружалось косами и уходило в леса, ожидая набатного звона. В Коспянском повете крестьяне массами ковали косы. Когда в деревне Келчеве жандарм отобрал у крестьянина оружие, в окрестные деревни полетели гонцы, и через несколько часов в Келчеве собралось несколько сот человек; спешили из деревень, отстоявших на 15—20 километров. «Мы жизнью не дорожим, лишь бы немцы над нами не пановали!» — говорили крестьяне.

Но, как уже говорилось выше, Мерославский не был органически связан с познанским крестьянством и был заражён порочным сомнением в силе патриотического сознания крестьян. Руководящий же костяк, посредством которого Мерославский мог действовать, — офицерство, — в сущности говоря, покинул его. Действовать самому? На это он не пошёл. Мерославский был скорее кабинетный стратег, чем народный вождь. Он был поклонником регулярной армии, чувствовал себя уверенным лишь во главе такой армии и не признавал партизанского движения.

Вторая ошибка Мерославского заключалась в том, что он занял пассивно-оборонительную позицию в отношении прусских войск. Мерославский решил соблюдать Ярославскую конвенцию и думал, что тем самым он надолго лишит прусские власти возможности спровоцировать его на столкновения с прусскими войсками. А за это время он рассчитывал подготовить небольшую по численности, но хорошо обученную польскую армию. За это время, надеялся он, произойдут изменения на Западе, революция одержит победу, может быть, начнётся война с Россией, и его задача будет облегчена. Таким образом, Мерославскому снова была нужна «передышка». Но в продолжение этой «передышки» Мерославский погрузился в чисто военные дела, и за пределами военных лагерей с нём мало было слышно. Его политическая деятельность ограничивалась лишь борьбой с Познанским комитетом.

Ярославская конвенция открыла собой второй период восстания. Познанская шляхта и её орган — Познанский комитет — формально отказались от программы национально-освободительной борьбы за независимость Польши и ограничились своими интересами разрешением одного лишь познанского вопроса. Последний был уже не средством достижения общепольских задач, как об этом говорилось ранее, а превратился в самоцель. Вместе с тем произошло углубление социально-политической дифференциации в польском обществе. Бесчинства прусских войск, ободрённых Ярославской конвенцией, ослабление польских сил, с одной стороны, и возросшее недоверие к шляхте и её политике — с другой, ещё более подняли антипруские настроения в польском крестьянстве. Усилился не только социальный, но и политический антагонизм между крестьянством и шляхтой.

После заключения Ярославской конвенции единственным «смыслом существования» Познанского комитета было скорейшее осуществление «национальной реорганизации Познани», т. е. введение самоуправления в герцогстве. Но, разорвав с народом, комитет попал в зависимость от милостей прусского правительства и его представителей в Познани. Раз ступив на путь уступок, комитет не мог удержаться от следующих шагов, если он хотел быстрее покснчить с

создавшимся положением, а он очень хотел этого. Познанская шляхта и, в частности, старшие офицеры в польских лагерях целиком разделяли желания комитета. В такой атмосфере Виллизен вполне мог надеяться на роспуск оставшихся в лагерях людей.

13 апреля Гарчинский получил от Виллизена распоряжение оставить Вжесню⁴⁴. Несмотря на то что начальники лагерей ещё раньше получили приказ Мерославского не уходить со своими отрядами из занимаемых ими пунктов, Гарчинский не думал возражать Виллизену и готовился выполнить его распоряжение. 14 апреля к Вжесне подошли прусские войска. Мерославский приказал Гарчинскому оказать сопротивление пруссакам и сам во главе отрядов Милославского лагеря (бывш. Сьродского, перешедшего в Милослав) поспешил к Вжесне. Однако прежде чем он успел подойти к Вжесне, Гарчинский по соглашению с пруссаками оставил Вжесню и перешёл в город Новое Место. Характерно, что соглашение Гарчинского с пруссаками санкционировал делегат Познанского комитета. В качестве уполномоченного Познанского комитета Стефанский договорился с высшими офицерами — начальниками лагерей — относительно роспуска последних. Бжежаньский, Будзишевский и Бялоскурский охотно дали своё согласие. 16 апреля Стефанский направился в Ксёнжский лагерь, чтобы предложить солдатам разойтись по домам. Но попытка Стефанского была предупреждена Мерославским. Когда в деревне Витащицы Виллизен и Стефанский собрали высших офицеров польских лагерей, чтобы принять официальное решение о роспуске лагерей⁴⁵, приход на это совещание Мерославского расстроил планы комитета и капитулянтов. Но и Мерославский ничего не мог поделать с капитулянтами. Гарчинский, Бжежаньский, Бялоскурский остались на своих постах, лишь вместо Будзишевского комендантом Ксёнжского лагеря был назначен Ф. Домбровский.

Капитулянтскими и просто предательскими действиями Познанский комитет преследовал цель побудить Виллизена к выполнению второй части обещанной «реорганизации» Познани. Виллизен поддерживал в комитете эту иллюзию. В воззвании от 17 апреля он объявил, что приступает к реорганизации, отдал распоряжение о назначении в поветах поляка-комиссаров при ландратах, — одним словом, старался создать впечатление, что дело близится к концу.

Параллельно с действиями Познанского комитета в герцогстве его представители в Берлине (Потворовский, Мельжинский, Крашевский) вели переговоры с правительством. 12 апреля берлинские представители потребовали назначения поляка президентом провинции и отзыва из герцогства Коломба и других военных. В следующей записке, от 16 апреля, Потворовский просил для Виллизена более широких полномочий. Достижения Познанского комитета в Берлине были столь же мизерны и иллюзорны, как и в самой Познани.

Ярославская конвенция была утверждена королём, но одновременно с этим, 14 апреля, был издан королевский патент, коим заранее исключались из «реорганизации» четыре западных повета герцогства и так называемый Нотецкий округ (шесть поветов в северной части провинции), что мотивировалось немецким большинством населения в них⁴⁶. Так была впервые установлена демаркационная линия между «немецкой» и польской частями герцогства.

Все старания Познанского комитета оказались, таким образом, напрасными. Виллизен решил возложенную на него задачу — разоружение польских повстанцев — и был отозван в Берлин. Комитет снова

⁴⁴ (Pamiętnik Garczyńskiego). Schnür-Pepłowski S., str. 266—267; Mierosławski L. Op. cit., str. 63.

⁴⁵ Mierosławski L. Op. cit., str. 71—76.

⁴⁶ S l u m a n H. Op. cit., str. 90; K o h l e W. «Deutsche Bewegung und preussische Politik im Posener Land», S. 61. Posen. 1931.

остался у разбитого корыта, покинутый своим прусским «покровителем».

В самом герцогстве дела складывались для поляков всё хуже. Немецкое население, подстрекаемое и организовываемое прусскими властями, выступало против польского требования «реорганизации». Местные жители — немцы — формировали отряды, нападавшие на польское население. Прусские власти теснили и преследовали поляков. Прусские войска, пренебрегая Ярославцевой конвенцией, собирались покончить с официально разрешёнными польскими лагерями.

Население деревень и селений открыто выражало ненависть к возвращающимся прусским властям, к появляющимся отрядам прусских войск. В Сьреме 11 апреля произошло столкновение войск с населением; в Кроби 12 апреля прусская администрация была встречена с такой враждебностью, что поспешила оставить селение; в Гродзиск 14 апреля вступило два батальона; в селении ударили в набат, и толпы крестьян стали прибывать в местечко. Батальоны вынуждены были покинуть местечко. В Гостыне и Козьмине население дало бой прусским отрядам. В Острове разразилось местное восстание, и в течение недели (с 14 апреля до 21 апреля) местечко находилось во власти восставших крестьян. Такие же события имели место в Кротошинском, Вольштынском, Оборницком поветах⁴⁷.

Этим народным возбуждением Познанский комитет хотел воспользоваться для того, чтобы легальными средствами противодействовать прусским планам раздела герцогства на немецкую и польскую части.

Между 1 и 8 мая должны были происходить выборы в прусский парламент на основе новой конституции. Комитет развил выборную агитацию для поддержки польских кандидатов и хотел переключить на эту кампанию крестьянство. Намерение комитета было поддержано духовенством. Крылатым лозунгом этих дней стали слова «Теперь пойдём на немцев не с косами, а с голосами»⁴⁸.

Все эти события находили живой отклик в лагерях. Собранные в них рядовые крестьяне, ремесленники по-своему реагировали на политические события в Познани. Всё настойчивее звучали требования «ударить на пруссаков». Но Мерославский отмалчивался, загнипнотизированный пресловутой «передышкой». Он не хотел сам начать борьбу с Пруссией. Для Познанского же комитета, который формально сохранил политическое руководство над польскими вооружёнными силами, лагеря были бельмом на глазу: их существование затрудняло осуществление легалистской тактики комитета, ибо для крестьянства они оставались символами восстания. Вот почему Познанский комитет 25 августа принял решение разоружить лагеря и распустить повстанцев по домам⁴⁹. С этим решением делегаты комитета прибыли к Мерославскому. Мерославский решительно отказался выполнить постановление комитета. В лагерях весть о попытке комитета вызвала большое возмущение. 28 апреля в Милославе состоялся съезд делегатов от всех лагерей. На съезде решено было считать Познанский комитет нилзоженным, объявить Польскую республику и выбрать временное правительство. Мерославский был утверждён главнокомандующим. Следует заметить, что решения съезда были результатом не столько продуманной программы действий, сколько бунтарским настроением молодых офицеров, уязвлённых в своём самолюбии. Во всяком случае, никакого влияния на последующие события этот съезд и его решения не имели⁵⁰.

⁴⁷ Kieniewicz S. Op. cit., str. 200—202.

⁴⁸ Там же, стр. 204.

⁴⁹ Moraczewski J. Op. cit., str. 104—108.

⁵⁰ Подробно о съезде см. Kosinski W. Odpowiedz na Ludwika Mieroslawskiego «Powstanie Poznanskie w r. 1848», str. 27—38. Targowa Gora. 1861; Kosinski W. — противник Мерославского — в названном памфлете переносит всю вину за неудачи восстания на Мерославского и защищает познанскую шляхту от упреков последнего.

В последнюю неделю апреля участились случаи нападения прусских войск на поляков. Генерал Коломб объявил, что поляки нарушили Ярославцевскую конвенцию и он не считает себя связанным ею. 25 апреля в Ксёнже Ф. Домбровский — начальник лагеря — сместил прусского жандарма, а затем арестовал троих жителей, подозреваемых в шпионаже. Коломб отдал распоряжение полковнику Брандту ударить на Ксёнж. На случай нападения пруссаков Мерославский приказал Домбровскому защищать Ксёнж, а Гарчинскому — идти на помощь Домбровскому. Сражение в Ксёнже произошло 29 апреля⁵¹ — 4,5 тыс. прусских солдат при семи пушках сражались против 1000 поляков. Бой продолжался целый день. Поляки потеряли 600 человек убитыми и ранеными. Домбровский был смертельно ранен. Ворвавшиеся в селение прусские солдаты начали массовый грабёж населения, убивали раненых и, наконец, сожгли Ксёнж.

Сражением в Ксёнже начался третий период восстания, когда регулярные повстанцы в лагерях и крестьянство в деревнях возобновили открытую борьбу против прусского господства.

Мерославский, ожидая нападения на Милослав, стягивал туда силы из других лагерей. Гарчинский из Нового Места и Бялоскурский из Плешева направились в Милослав. 30 апреля прусские войска повели наступление на Милослав. Пруссаки располагали 9 тыс. войска. Против них сражались 1100—1200, а с приходом подкреплений — 3 тыс. поляков. Упорная битва закончилась победой поляков. Пруссаки в беспорядке отступили, и Мерославский отдал приказ коннице преследовать противника. Однако командир Плешевского эскадрона, а затем и полковник Бжежаньский оба отказались выполнить приказ.

Только что одержанная победа необычайно подняла дух повстанцев. Но эта же победа устранила шляхетское офицерство перспективной дальнейших боёв, а тем самым — и разрастанием движения. Тотчас после боя Бялоскурский подал в отставку; его примеру последовало ещё несколько десятков офицеров⁵².

В то время как известие о сражении в Милославе привлекало в польские отряды новые толпы косиньеров, готовых биться с пруссаками, офицерство жаждало прекращения борьбы и полагало, что победа облегчит полякам капитуляцию на почётных условиях. Но, поскольку борьба продолжалась, росло и дезертирство офицеров. Командиры вжесневского отряда, майор Берлье, и плешевского отряда, Кушель, хотели распустить свои отряды.

Мерославский намеревался после победы пробиться в Куявию (север герцогства) и там продолжать борьбу. Офицерская верхушка рьяно возражала против плана Мерославского. Тем не менее Мерославский двинулся на север и остановился на ночлег в деревне Соколово (около Вжесни). Здесь 2 мая на него напал трёхтысячный прусский отряд под командованием генерала Гиршфельда. Упорный бой закончился отступлением пруссаков. Необыкновенную стойкость и неустрашимость в бою проявили крестьяне-косиньеры. С косами в руках они бросились на пушки противника⁵³.

⁵¹ Moraczewski J. Op. cit., str. 113—118 (Pamiętnik Garczyńskiego). Sch nür-Pepłowski, str. 272—274; Schmidt H. «Die polnische Revolution des Jahres 1848 im Gross-Posen», S. 308—314. Weimar, 1912. Огромная вина в поражении Домбровского лежит на Гарчинском. Несколько раз во время боя Домбровский просил Гарчинского о помощи, но последний медлил и только вечером подошёл к Ксёнжу. Видя, что победа склоняется на сторону пруссаков, Гарчинский повернул обратно.

⁵² Schmidt H. Op. cit., S. 322 ff.; Mierosławski L. Op. cit., str. 135—163; Бялоскурский и другие офицеры, подавшие в отставку, мотивировали нежеланием служить под командованием Мерославского, провинившего якобы неумышленно и нераспорядительностью в бою. Эти объяснения старательно подкрепляет В. Косинский. См. Kosinski W. Op. cit., str. 68—72.

⁵³ Rakowski K. Op. cit., str. 238—240; 266; Schmidt H. Op. cit. S.336—340.

После битвы под Соколовом Мерославский продолжал движение на север. Крестьянское население встречало Мерославского с воодушевлением. Весть о движении отряда перегоняла колонну; по пути её ждали вооружённые крестьяне, присоединявшиеся к ней. В других местах (в центре герцогства) независимо от Мерославского возникали местные партизанские отряды⁵⁴. Некоторые из этих отрядов хотели соединиться с Мерославским; большинство же намеревалось действовать самостоятельно. Это лишний раз свидетельствует об отсутствии органической связи Мерославского с народом. Действуя разрозненно, без всякой связи между собой, партизанские отряды не смогли оказать влияния на положение Мерославского.

В штабе Мерославского царил разлад. Офицеры требовали открытия мирных переговоров с пруссаками и отказывались повиноваться Мерославскому. Майор Берлье со своими людьми покинул колонну. Внутри отряда центром оппозиции к Мерославскому стал Бжежанский. Мерославский не отважился вступить в конфликт с Бжежанским и его группой и не знал, что предпринять. Он отказался от похода на север и предложил на офицерском совете двинуться в южные поветы. Офицеры отвергли это предложение.

В начале мая в Познань прибыл преемник Виллизна генерал Пфуль, снабжённый официальными полномочиями — закончить «реорганизацию» Познани на основе раздела герцогства — и неофициальными — подавить «беспорядки» в Познани. К нему обратились капитулянты после предварительных переговоров с генералом Коломбом и генералом Веделем. С польской стороны вели переговоры одновременно две делегации, в том числе одна от Бжежанского. Однако Пфуль принял лишь представителя от одной делегации — Тачановского. Ошибаясь в оценке действительной численности отряда Мерославского, Пфуль обещал сохранить в случае добровольной капитуляции поляков двухтысячное польское войско⁵⁵. Но уполномоченные Бжежанского, встретившись позднее с Пфулем, информировали его о том, что у Мерославского едва тысяча человек. Тогда Пфуль отказался от предложенных им прежде условий и приказал генералу Веделю разоружить отряд Мерославского.

Отряд стоял в то время у Милослава. Среди всеобщей неразберихи и взаимных упреков Бжежанский со своими людьми ушёл из отряда. На следующий день Мерославский поручил отряд полковнику Оборскому и покинул лагерь. 9 мая Бжежанский в селении Мужиново подписал акт о капитуляции. На этом закончилась вооружённая борьба.

За разгромом восстания немедленно последовали репрессии. Повстанцы, взятые с оружием в руках, либо выловленные во время облав в лесах, заключались в концентрационные лагеря. Прусское правительство намеревалось привлечь к суду более 2 тыс. человек, но, опасаясь, что судебный процесс может возбудить среди поляков волнения и, к тому же, предаст гласности многочисленные случаи жестокости и бесчинств, совершённых над польским населением прусскими офицерами и солдатами, чиновниками и немецкими колонистами, объявило 9 октября 1848 г. амнистию всем участникам восстания.

⁵⁴ Партизанский отряд, под начальством адвоката Кротовского захвативший местечки Рогаша, Курник и деревню Мошино (все они поблизости от города Познани), провозгласил «Познанскую республику». Кротовский действовал самостоятельно, не желая соединиться с Мерославским, который весьма невысоко расценивал Кротовского. О «Познанской республике» см. *Trampezyński W.* «Szkice historyczne». Warszawa. 1914; статья «Pohulanka partyzancka i Rzecz pospolita Poznańska», стр. 18—21.

⁵⁵ В числе партизан был и будущий варшавский архиепископ — Фелинский. *Pamiętniki ks. Z. Felńskiego, część I*, стр. 373—384. Kraków. 1897.

⁵⁶ Нечто вроде Ярославцевой конвенции, в меньшем масштабе. *Rakowski K.* *Op. cit.*, стр. 244—245; *Mierosławski L.* *Op. cit.*, стр. 214—215.

Одновременно с военной кампанией против повстанцев прусское правительство приступило к ликвидации всех сделанных им полякам уступок.

26 апреля правительство исключило из «реорганизации», кроме 10 ранее намеченных поветов, ещё 6, полностью или частично, вместе с городом Познанью⁵⁶. Берлин хотел позолотить пилюлю и предложил Потворовскому пост президента «реорганизованной» в таком виде «польской» провинции. Но на такую профанацию не мог согласиться даже этот «лояльнейший» из поляков. Познанский комитет, напоминая в этот период жалкий клуб, потерявший остатки своего влияния, вздумал было протестовать. Комитетчики угрожали даже народным восстанием, но, разумеется, это никого не могло ввести в заблуждение. Пять человек, в том числе Либельт, вышли из комитета. Уже 30 апреля комитет (вернее, его остатки) опубликовал последнее воззвание, в котором заявлял о своём роспуске⁵⁷.

Самороспуск Познанского комитета был свидетельством несостоятельности и гибельности всей политики комитета. Решение о самоликвидации, принятое комитетом в момент возобновления вооружённой борьбы польских народных масс Познани против прусского господства, лишь подчеркнуло тот факт, что комитет не имел и не хотел иметь никакого отношения к этой борьбе.

Программа «национальной реорганизации» Познани, а с ней вместе и комитет потерпели крах в глазах познанской шляхты и в глазах его членов. Существование комитета утратило всякий смысл. Шляхта заявила, что будет действовать исключительно методами «легальной оппозиции». В июне 1848 г., по инициативе польских депутатов прусского парламента в Берлине, была основана «Польская лига», продолжавшая ратовать за «национальную реорганизацию» Познани. В деятельности лиги приняли участие также Либельт и Морачевский. Лига просуществовала до апреля 1850 г., когда она была закрыта по новому закону об обществах.

Что касается пресловутой «национальной реорганизации» Познани, то, как и следовало ожидать, этот вопрос не получил никакого разрешения. В период управления Познанью генералом Пфулем демаркационная комиссия дважды — 12 мая и 4 июня — передвигала демаркационную линию между «немецкой» и польской частями герцогства в ущерб полякам⁵⁸. Правда, в прусском учредительном собрании при обсуждении конституции большинством голосов прошла резолюция (так называемая поправка Филиппса), отвергавшая предложенный правительством проект раздела герцогства Познанского⁵⁹. Но решение парламента не имело никакого значения: через две недели парламента был разогнан королём. В декабре направленный в Познань в качестве комиссара германского (Франкфуртского) союзного совета генерал Шеффер-Бернштейн перенёс демаркационную границу ещё восточнее, так что на долю проектированной польской провинции, названной «герцогством Гнезненским», пришлось 25% территории и 20% населения герцогства Познанского. Но и это не было последним решением: в конце 1849 г. вопрос о разделе Познани и самоуправлении в ней прусским правительством был официально снят с обсуждения, и всё осталось по-старому.

⁵⁶ Текст кабинетного указа см. Rakowski K. Op. cit., str. 54; Schmidt H. Op. cit., S. 276. Это было второй «демаркацией», первая, как известно, была 14 апреля.

⁵⁷ Текст последнего воззвания см. Rakowski K. Op. cit. Приложения, стр. 57—58.

⁵⁸ Moraczewski J. Op. cit., str. 167—168; Schmidt H. Op. cit., S. 385. Это третий и четвёртый переносы демаркационной линии.

⁵⁹ Szuman H. Op. cit., str. 166—168.

Польское восстание в Познани являет собой пример национального движения «эпохи сложения буржуазно-демократического общества». Для этой эпохи «типично пробуждение национальных движений, вовлечение в них крестьянства, как наиболее многочисленного и наиболее «тяжелого на подъем» слоя населения»⁶⁰. В отношении Польши это органическое сочетание борьбы за её национальное освобождение с борьбой её крестьянства против феодально-крепостнического гнёта и за землю тем более выразительно, что аграрно-крестьянский вопрос был важнейшей социально-экономической и политической проблемой польского общества⁶¹. Именно в силу этих причин судьбы польских национальных движений оказывались в прямой зависимости от позиции и поведения польской землевладельческой шляхты по отношению к крестьянству. Так было в восстании 1830—1831 гг., в неудавшейся попытке восстания в Галиции в 1846 г. и, наконец, в познанском восстании 1848 года.

Польское дворянство в эту эпоху продолжало оставаться носителем национальных традиций, идеалов восстановления независимой Речи Посполитой. Но когда борьба за осуществление этих идеалов неминуемо сплеталась с разрешением аграрно-крестьянского вопроса, как это имело место в 1848 г., шляхта останавливалась перед последним, и страх перед социальным движением заставлял её искать паллиативы (в данном случае «национальная реорганизация» и самоуправление Познани). Такова первая характерная черта и слабый пункт познанского восстания.

Второй момент, обусловивший слабость восстания — это ошибочные политические постулаты польской демократии. Загипнотизированная идеей общепольского восстания против России, польская демократия расценивала познанское восстание как побочное звено в своих планах. Шляхетские демократы сначала не хотели, а затем не сумели организовать всеобщее восстание в Познани против Пруссии.

Познанские помещики, с одной стороны, и шляхетские демократы — с другой, исходя из совершенно различных соображений, фатальным образом влияли на ход и судьбы восстания. Первые искали соглашения с Пруссией; вторые избегали «ссориться» с Пруссией. Предательство одних, пассивность других дезориентировали восставшее крестьянство, подорвали поступательный ход восстания, сузили его размах и обрекли его на поражение.

⁶⁰ Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 432.

⁶¹ «Со времени краковского восстания 1846 г. борьба за независимость Польши одновременно является борьбой аграрной демократии». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 383.